

МИЛОСЕРДИЕ

Загляните в мир незрячих,

и вы увидите, как они нуждаются в вашей помощи

Не так давно довелось мне побывать в Кировской области — по поручению Всероссийского общества слепых. Я собирал там материалы о том, как местные организации ВОСа заботятся о престарелых и одиноких незрячих людях.

Я и сам незрячий, да и старость, увы, уже маячит где-то поблизости, так что эти проблемы мне близки. Потому-то я охотно откликнулся на предложение и сразу пустился в путь, даже без сопровождающего.

Соседом моим по купе оказался симпатичный молодой человек по имени Андрей. Он с интересом слушал мой рассказ о деятельности общества слепых, о его новых планах.

— Значит, незрячие сами помогают незрячим? Вот не думал, что они так много могут... Знаете, я вообще не представлял себе жизнь слепых, не задумывался, что они тоже хотят жить полнокровно — работать, отдыхать, иметь семью, заботиться о ней, — словом, жить как здоровые... Вот вы как хорошо ориентируетесь в вагоне, — добавил Андрей, — видно, не раз и не два ездили один. Наверное, трудно вам приходится?

Мне был приятен живой интерес Андрея к предмету нашего разговора. Однако чувствовал я и уколы досады. Нет, отнюдь не на него, моего молодого спутника. Скорее на тот факт нашей общественной жизни, который волей-неволей подтвердился в словах Андрея. Разве только он один не задумывался о жизни инвалидов? Да у нас вообще не принято было над этим задумываться, — и здоровые-то еле-еле лямку тянут, а уж инвалиды... И без них трудно, не до них. Отмахивались-отмахивались и не заметили, как выросла стена внутри нашего общества — между миром здоровых и миром инвалидов.

Складывалась она на протяжении, пожалуй, всех послереволюционных десятилетий. И власти наши очень усердно наращивали на нее кирпичики. Ведь если население в большинстве своем не знает (и уже не хочет знать) о жизни своих обделенных здоровьем соотечественников, то тем легче держать инвалидов в их безысходном нищенском положении, буквально на грани выживания. Все остается шито-крыто, и никаких проблем. А если миллионы людей, которые лишены необходимой поддержки, раньше уйдут из жизни, — что ж... Каждому свое в нашем социалистическом, «самом справедливом» государстве.

Давайте вспомним, что пережили калеки Великой Отечественной войны? Особенно те, чей внешний вид заставлял окружающих содрогаться

от ужаса и жалости к ним,— безногие обрубки, обезображенные ожогами лица-маски, темные провалы вместо глаз... Не почитанием за военную доблесть и самопожертвование, не глубоким сочувствием к послефронтовым страданиям были они окружены в стране-победительнице. Вместо этого на них устраивали... облавы — как на бездомных кошек или собак. И выселяли из больших городов, подальше от людей, чтобы забывались цена победы и ее истинные герои, которым теперь предстояло «доживать» в казенных интернатах. А порядки в тех интернатах куда больше роднили их с концлагерями, нежели с богоугодными заведениями. (Замечу, кстати, что во многих странах инвалиды войны действительно пользовались и пользуются особой заботой, государства и общества.)

...Так стоило ли так уж досадовать, что мой молодой сосед по купе простодушно удивлялся, слушая о жизни слепых? Это же прямой результат долгой изолированности инвалидов от здоровых, горькое свидетельство нравственного неблагополучия общества, привыкшего лишь к абсолютно формальным лозунгам типа: «Все для человека, все во имя человека!».

Между тем наш поезд прибыл в Киров. На вокзале никто меня не встретил, хотя из Москвы наверняка уже позвонили в областное отделение ВОС. Андрей помог мне найти телефон, связаться с местными «восовцами».

— Да-да, нам сообщили из Москвы о вашем приезде, — раздался в трубке громкий женский голос. — Но мы не могли вас встретить. От вокзала до нас совсем недалеко, вы и сами сможете добраться.

Трубка выпала из моих рук. Андрей тут же прокомментировал ситуацию: «Так вот, оказывается, какая на деле забота о вас, слепых! Это со стороны вашего же общества, — а что же остальные?!»

На этой грустной ноте мы с ним и расстались. Я кое-как добрался до гостиницы, — тут меня ждало очередное разочарование: номер, как выяснилось, не был заказан, несмотря на договоренность. Видно, авторитет правления ВОСа в области не слишком высок, раз его заявку в гостинице оставили без внимания. В конце концов нашли для меня койку в многоместном номере — со всеми возможными неудобствами. Что делать, пришлось согласиться и на это.

Наутро в невеселом настроении я выехал в небольшой районный поселок Верхошижемье. Автобус

основательно потряхивало на дорожных ухабах. Но это не мешало нашей беседе с Генриеттой Борисовной Покровской, инструктором Кировского отделения ВОС, взявшей сопроводить меня в поездке по области. Из нарисованной ею картины — о ситуации в интересующей нас с ней сфере — оптимистического впечатления не складывалось: похоже, перестройка тут ох как приподднилась...

Но в Верхошижемье настроение мое начало быстро улучшаться. Так всегда бывает, когда встречаешь людей, полных желания служить полезному делу и умеющих ему служить, несмотря на многочисленные и разнообразные препятствия.

В просторном помещении Верхошижемской первичной организации общества слепых было по-особому уютно, домовито. Только что протопили большую русскую печь, и комнату наполняло какое-то удивительно духовитое тепло. Оно остро пронзало душу воспоминаниями о далеком детстве.

Вырос я в холодном Нарымском крае, и там действительно, все лучшее, что называется, шло от печки. Прогреет, бывало, до косточек ядерный мороз, кажется, еще немного, и сам превращаешься в льдинку. Но вбежишь в избу — и сразу оживаешь у пылающей печки, где весело потрескивают жаркие березовые поленья.

И этими — из времен детства — воспоминаниями обменивались мы с Александром Николаевичем Зайцевым, председателем Верхошижемской первички, и общими соображениями о текущей политической и хозяйственной жизни страны делились, и о житейских мелочах посудачили. Я наблюдал, как радушно он встречает посетителей, как подробно расспрашивает каждого о его житье-бытье, о заботах и нуждах. Такой доверительной, располагающей манере общения не грех бы поучиться у Александра Николаевича номенклатурным руководителям, — думал я, наблюдая за ним. И хотя ему уже перевалило за семьдесят, его молодая энергия была через край. Быстрый, подвижный, он свободно передвигался по комнате без посторонней помощи, — видно, знал каждую выбоину в полу, вовремя уворачивался от каждого дверного косяка (у незрячего вообще быстро вырабатываются навыки ориентирования, иначе синяки на его теле не переводились бы). С удовольствием слушал я его крепкий, звучный голос, его по-вятски скороговорчатую, с эдакой российской напевностью и легкой лукавинкой речь. Природное обаяние его личности подкупало так же, как

и его неутомимая и действенная помощь людям.

В местной первичной организации ВОС — более тридцати престарелых и одиноких инвалидов по зрению. По разным причинам оказались они в аховом положении, но, как бы то ни было, каждый человек имеет право дожить свой век по-людски, верно?

Нескольких одиночек удалось устроить в дом престарелых. Конечно, далеко не каждый рвется туда: трудно даже на склоне лет оставить родные стены, распрощаться со своим клочком земли, с кустом сирени под окном, с речкой, что огибает огород за домом.

Не сразу согласилась покинуть малую свою деревеньку Анна Ивольевна Кислицина. Зато теперь частенько пишет она в Верхошижемскую первичку о том, как славно у нее сложилось все в доме престарелых, как довольна она жизнью среди людей.

К сожалению, так получается не всегда. Долго не хотела оставлять свой дом и Елена Дмитриевна Павловская. Но ухаживать за домом и, главное, за собой была уже не в состоянии. Не день и не два ее уламывали, уговаривали. Помогли оформить документы, сложить дорогие ее сердцу нехитрые вещицы, связывающие ее с молодостью, с прежними, более счастливыми годами. Наконец привезли в дом престарелых. Встретила новую «жиличку» комендант дома. Первым делом — вместо человеческих слов приветствия, ласкового ободрения робеющему, растерянному старому человеку — заявила, как отрубил: «Личные вещи сдать! Хранение их запрещено». Сколько ни умоляла Елена Дмитриевна, не удалось ей отстоять свой узел — отняли его, унесли. А несколько минут спустя... не стало Елены Дмитриевны. Скончалась она тут же, в приемной. Не выдержало ее сердце груза отчаяния! Вот цена чиновничьего равнодушия, фельдфебельской казарменной жестокости...

Верхошижемская организация действует в постоянном контакте с райсобесом. Добилась, чтобы он выделил нескольких человек для платного (за счет райсобеса) обслуживания слепых престарелых людей. Правда, за обеспечение инвалида дровами, хлебом, водой сотрудник райсобеса получает ничтожную плату — ведь отделы социального обеспечения едва ли не самое бедное звено в советском аппарате, — но все же и она как-то стимулирует людей, способных и готовых помочь инвалиду. Посильная помощь незрячим оказывается и в работе огородов, ремонте квартир,

подводе дров... Верхошижемская первичка ищет и другие способы поддержки инвалидов. К примеру, шефство соседей. Вот, скажем, Е. С. Стрельникова, незрячая пенсионерка, заключила договор со своей молодой соседкой о передаче ей в наследство дома с участком. В обмен на услуги сейчас: уход во время болезни, помощь по дому... На таких же примерно условиях договорилась с соседями и слепая старушка А. Д. Кукулина.

Быть может читая об этом, кто-то укоризненно покачает головой: мол, до чего же расчетливые соседи, до чего корыстные, — все бы им выгоду иметь. А я считаю, что милосердие тем надежнее, чем больше оно подкреплено материально, взаимной пользой. Ведь всем у нас жить нелегко, и старым и молодым. И надо помогать друг другу.

И вот что еще меня порадовало в Верхошижемье: стремление первичной организации не терять связи со взрослыми детьми и внуками инвалидов. Это позволяет в случае необходимости обращаться к молодежи с настоятельным советом — пора, вам, дескать, дорогие, обратить внимание на отца (деда), на мать (или бабушку), не могут они больше жить в одиночестве, примите в свою семью.

Обычно на эти обращения люди откликаются. Уже вернулся из города к отцу, Александру Ивановичу Колотову, его сын, — привез автомобиль, улья, намерен осесть на земле основательно. Радуется Александр Иванович — теперь он ухоженный, пригляденный... К Семену Семеновичу Цемешеву под родительский кров переехала его внучка со своей семьей. Зазвенели в доме детские голоса — приятно прадеду коротать дни в таком окружении. И к Ульяне Васильевне Попцовой возвратился сын из города...

Хорошая это примета: не безнадежна судьба села, если, несмотря ни на что, сохранились в нем устои нравственности, способность к милосердию, особенно у молодых.

Иные семьи забирают слепых стариков к себе в город — и нередко тоже по подсказке А. Н. Зайцева.

А деятельность самого А. Н. Зайцева этим не исчерпывается. Представьте себе: незрячий человек собрал по району большую коллекцию предметов крестьянского быта, труда, культуры. Сначала хранил эти сокровища у себя на чердаке, потом собственноручно построил для них новый сарай. И наконец, в Верхошижемье предоставили для его коллекции специальное помещение, и открылся здесь музей крестьянской истории и культуры. Все пригодилось, что собрал

Александр Николаевич. Правда, до сих пор этот музей существует все еще на общественных началах, но свое место в культурной жизни района, в сохранении исторической памяти он занял. И все это, повторю, благодаря усилиям прежде всего А. Н. Зайцева, инвалида, слепого.

Нет, не везде в Кировской области, где живут более 3 тысяч инвалидов по зрению, в числе которых 166 — одинокие и престарелые, окружены они такой же заботой, как в Верхошижемье. Пока дело движется только там, где есть энтузиасты. Правда, облсполком принял постановление «Об улучшении обслуживания слепых в области», обязав исполкомы местных Советов всемерно помогать инвалидам. Особенно в глухих, заброшенных деревнях, каких немало ныне на древней Вятской земле. Но выполняется постановление слабо, как с горечью говорила мне Г. Б. Покровская.

И все же уезжал я из области с добрыми чувствами — пример Верхошижемья вдохновил. И немало повстречалось мне людей, готовых прийти на помощь незрячему — через дорогу перевести, помочь подняться в автобус или в поезд, проводить до нужного дома. Мне казалось — уже начала рушиться «берлинская стена», отделяющая инвалидов от здоровых людей. Лед тронулся...

Впрочем, иногда снова приходится сомневаться в этом. ...Обратный билет мне достался, к сожалению, на верхнюю полку. Проводница попросила моих молодых попутчиков: «Ребята, уступите кто-нибудь нижнее место пожилому человеку». Никто не «дрогнул». Ее просто «не услышали». «Ну что ж, — сказала мне Татьяна Сергеевна Минкина — так звали проводницу, — тогда располагайтесь в моем служебном купе. Мне все равно спать некогда — дел много». Я стал было отказываться, но она уговаривала от чистого сердца, а я, признаюсь, изрядно устал от переездов и в конце концов дал себя уговорить.

В эту ночь я долго ворочался без сна на узкой вагонной полке и все думал: ну почему рядом с добротой и благородством столь привычно уживаются черствость и бездушие? Не от излишней ли нашей к тому снисходительности? А ведь страдают от этого не только инвалиды...

Ким САРАНЧИН,
инвалид I группы по зрению,
член ВОС, член Союза писателей СССР

Кировская область

Помните, у Некрасова в его «Размышлениях у парадного подъезда» деревенские мужики пришли со своими жалобами к высокопоставленному чиновнику. Но тот, даже не выслушав, велел гнать их прочь.

*И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: суди его Бог!
Разводя безнадежно руками...*

Сколько времени прошло с тех пор, но и сегодня обиженному сельскому жителю не просто добиться справедливости. Местные власти, зачастую связанные круговой порукой, просто отмахиваются от докучливых жалобщиков. Отчаявшись, люди обращаются в «высокие инстанции», пишу в редакции газет и журналов. Немало таких жалоб приходит в «Сельскую новь», и журнал по мере возможности старается помож, восстановить справедливость.

Легко обидеть матерей...

После того как в семье Тарабановых появился второй ребенок, родители начали прикидывать, как дальше поступить молодой матери. Конечно хорошо бы ей годика три посидеть с малышом дома. Тем более что первой девочке чуть больше двух лет она часто болеет, за ней тож постоянный уход нужен. Но с другой стороны, при нынешней дороговизне на мизерное государственное пособие да на зарплату мужа не очень-то проживешь. В конце концов супруги решили, что по истечении послеродового отпуска мать пойдет работать.

«Вышла я в свой цех столярный изделий, — писала в редакцию Елена Геннадиевна Тарабанова, жительница поселка Камышет Нижнеудинского района Иркутской области. — Сраз скажу, что работа у нас двухсменная. Первая смена — с восьми утра до пяти вечера, вторая — с пяти до двух часов ночи. Объяснив свое положение я попросила начальника цеха Любовь Григорьевну Войтенко ставить меня только в первую смену, чтобы вечерами я могла быть со своими ребятюшками. К моему удивлению она не только не посочувствовала мне но и ответила, что порядок один для всех. Я пошла к заместителю директора К. Димову. Он тоже заявил, что из за меня одной не станут менять график. Так начались мои мучения. Когда я выхожу во вторую смену просто сердце кровью обливается при